

УДК 377+351.74: 94(571.53)

DOI: 10.32343/2409-5052-2021-15-4-488-499

Оригинальная статья

Становление профессионального образования сотрудников милиции в 20-е годы XX века в Восточной Сибири

А. А. Кузнецов

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск
alalkuz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6851-2665>

Аннотация. Введение. В статье освещаются проблемы становления профессионального образования сотрудников милиции в послереволюционной Восточной Сибири в 20-е годы XX в. На основании архивных документов рассмотрены формы и методы профессионального обучения молодых сотрудников рабоче-крестьянской милиции, основными из которых были школьное обучение резерва и практическая подготовка сотрудников во внеслужебное и рабочее время. Уделено внимание проблемам, которые препятствовали профессиональной подготовке сотрудников и, в конечном счёте, не позволили создать в то время единую стройную систему кадровой подготовки милиционеров. Цель исследования: изучение вопроса создания системы подготовки милицмейских кадров в 20-е годы XX века, освещение деятельности главного административного отдела по организации профессиональной подготовки сотрудников милиции для Восточно-Сибирского региона в сложное для страны время и проблем, которые при этом возникали.

Материалы и методы. Использованы методы синтеза, сравнительного анализа исторических источников, историко-системный метод, принцип историзма.

Результаты исследования. Исследована деятельность милиции Восточной Сибири по профессиональной подготовке сотрудников-правоохранителей. В послевоенное время в Восточной Сибири сложилась ситуация нехватки кадров для милиции, так как царская полиция была разгромлена, а классовый подход к подбору кадров привёл к тому, что милиционеры из рабочих и крестьян часто были малограмотны или безграмотны. Поэтому возникла необходимость в создании системы профессиональной подготовки милиционеров. Были предприняты попытки создания этой системы; в 1920-е годы они не были успешны. Однако в результате этой деятельности была сформирована основа для создания такой системы в дальнейшем.

Ключевые слова: сибирская милиция, история милиции, рабоче-крестьянская милиция, профессиональное образование, история профессиональной милицмейской подготовки, Восточная Сибирь, Иркутск, Иркутская губерния, 20-е годы, революция, преступность, бандитизм

Для цитирования: Кузнецов А. А. Становление профессионального образования сотрудников милиции в 20-е годы XX века в Восточной Сибири // Педагогический ИМИДЖ. 2021. Т. 15. № 4 (53). С. 488-499. DOI: 10.32343/2409-5052-2021-15-4-488-499

© Кузнецов А. А.

**The Establishment of Professional Education of Police Officers
in the 1920s in Eastern Siberia**

Alexey A. Kuznetsov

*East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk
alalkuz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6851-2665>*

Abstract. Introduction. *The paper addresses the issues of the development of professional education of police officers in post-revolutionary Eastern Siberia in the 1920s. The archival documents were used to study forms and methods of professional training of young officers of workers and peasants' police. The main of them were school training of the reserve and practical training of the officers in off-duty and on-duty hours. The study also focused on the issues that interfered with the professional training of officers and, eventually, did not allow the single system for the policemen training to be established.*

The objective of the study is to examine the issue of creating a system of training police personnel in the 1920s, highlight the activities of the administrative department intended to organize the professional training of police officers for the East Siberian region at a difficult time for the country, and the problems that arose.

Materials and methods. *The study employed synthesis methods, comparative analysis of historical sources, historical-system method, and the principle of historicism.*

Results of the study. *The activities of the police of Eastern Siberia, which were aimed at the professional training of law enforcement officers, were investigated. The post-war Eastern Siberia faced a lack of personnel for the police since tsarist police were defeated, and the class approach to the personnel selection led to the situation where the policemen from workers and peasants were often poorly literate or illiterate. Therefore, there was an urgent need to establish a professional training system for police officers. Attempts were made to create this system, but they were unsuccessful in the 1920s. This activity, however, made it possible to lay a foundation for the establishment of such a system in the future.*

Keywords: *Siberian police, history of police, workers and peasants' police, professional education, history of professional police training, Eastern Siberia, Irkutsk, Irkutsk province, the 1920s, revolution, crime, gangsterism*

For citation:

Pedagogicheskiy IMIDZH = Pedagogical IMAGE. 2021; 15(4): 488-499. (In Russ.). DOI: 10.32343/2409-5052-2021-15-4-488-499

Проблема профессионального образования сотрудников советской милиции, возникшая в первое десятилетие после революции в Восточной Сибири, изучалась недостаточно. Эта проблема интересна тем, что профессиональная подготовка милиционеров тогда начиналась с нуля, так как в дореволюционной России специальных профессиональных учебных заведений, где бы готовили полицейских, не существовало. Хотя и были попытки их создания. Начиная со второй половины XIX века профессиональная подготовка полицейских становилась всё более насыщенной. В некоторых городах, в первую очередь Санкт-Петербурге и Москве, создавались школы подготовки резерва полицейских, в начале XX века возникла идея создания трёхступенчатой системы подготовки полицейских. Однако эта идея так и не была реализована. Однако опыт советской России 20-е годы в этом смысле интересен и уникален.

После Октябрьской революции и гражданской войны ситуация, которая сложилась

в Восточной Сибири, практически не отличалась от той, которая была в Сибири и России в целом. В результате революции царская полиция была упразднена, поскольку была не только инструментом борьбы с преступностью, но и механизмом господства самодержавия и потому в массовом сознании неразрывно ассоциировалась с царской властью.

В первые месяцы после прихода большевиков к власти многие советские руководители наивно полагали, что освобождённые от царского гнёта пролетариат и крестьянство по принципу самоорганизации, руководствуясь классовым самосознанием, начнут борьбу с преступностью, а власть лишь будет помогать этому стихийному процессу. И хотя декретом НКВД РСФСР «О рабочей милиции» от 28 октября 1917 года было сказано об учреждении рабочей милиции, она фактически была добровольным формированием.

Однако достаточно быстро стало ясно, что уровень самосознания масс был переоценён, а преступность в разрушенной войной стране росла небывалыми темпами. Руководители молодой советской России поняли, что без централизованной силовой структуры, направленной на борьбу с преступностью, республику захлестнёт волна преступлений и бандитизма.

Упразднив «за ненадобностью» все государственные структуры, существовавшие в российской империи, большевики довольно быстро оказались в ситуации, когда вынуждены были часть из них фактически восстанавливать под другим названием. Созданная весной 1918 года рабоче-крестьянская милиция заметно отличалась от царской полиции, но эти отличия касались не столько её функций, сколько принципа формирования. Главной задачей по-прежнему оставалось поддержание внутреннего правопорядка. А вот набор в ряды милиции шёл по иным критериям: в условиях отсутствия достаточной нормативно-правовой базы для деятельности правоохранительной системы её должно было заменить «правильное» классовое сознание и «революционное чутьё», которым, по мнению большевиков, обладали представители рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Профессионализм и практический опыт работы в полиции в этом случае не только не был преимуществом, но, напротив, являлся основанием для запрета на работу в советской милиции. На первых порах советская власть попыталась обойтись без этого опыта, считавшегося негативным. Поэтому старых специалистов принимали в милицию только в особых случаях, по решению местных советских и партийных органов, а все нормативные документы подчёркивали классовый принцип формирования личного состава органов милиции. Примером этого могут послужить, в частности, инструкции НКВД (народный комиссариат внутренних дел) и НКЮ (народный комиссариат юстиции) РСФСР «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 12 октября 1918 года.

Если учесть весьма низкий уровень грамотности среди российского населения (особенно беднейшей его части), то первым и очевидным следствием такой политики стала беспомощность советской милиции в деле борьбы с преступностью. Большинство вновь набранных милиционеров просто не представляли себе, как они должны выполнять свои профессиональные обязанности и бороться с захлестнувшей страну преступностью. Более того, они были неграмотны или малограмотны, т. е. не могли даже прочесть какие-либо инструкции или составить необходимые документы. Это стало огромной проблемой, которую новая власть тоже осознала, что очевидно, например, из отчётов НКВД и ряда других документов.

В этом смысле Восточная Сибирь, конечно, не была каким-то исключением. В 1920-е годы набранные в ряды местной милиции рабочие и крестьяне в большинстве своём были малограмотны, не говоря уже об отсутствии необходимых профессиональных знаний и опыта. Даже нормальное начальное образование на уровне дореволюционной церковно-приходской или министерской школы у них отсутствовало, а советская

кампания по борьбе с неграмотностью ещё не была по-настоящему развёрнута и не дала особых результатов. Это подтверждают, например, данные из отчёта Административного отдела Иркутского губернского исполкома в НКВД, согласно которым 87,4 % личного состава милиции в Иркутской губернии малограмотны [1, с. 71] и по этой причине не могут должным образом исполнять свои функции.

Проблемы поддержания правопорядка в 1920-е годы имели свою специфику для Восточной Сибири и Дальнего Востока. Исторически эти территории всегда были местом каторги и ссылки (что неизбежно отражалось на менталитете местного населения). А их обширность и относительно малая освоенность никогда не позволяли власти наладить здесь такой же эффективный контроль, как в европейской части страны. Кроме того, гражданская война здесь продолжалась почти на два года дольше, и последствия её в некоторых отношениях ощущались сильнее. Сказывалась и сильная отдалённость от столицы, которая не давала центральной власти возможность оперативно реагировать на возникающие проблемы.

Следует отметить, что в рассматриваемый период состав преступных элементов Восточной Сибири был весьма разнообразным. Помимо уголовников, пользовавшихся возникшей анархией, действовало много банд из бывших белогвардейцев и местных крестьян, недовольных советской властью. Угроза от них была столь велика, что центральная власть иногда шла на чрезвычайные меры для ликвидации этих банд.

В качестве примера можно упомянуть эпизод, когда в 1925 г. в Иркутскую губернию прибыл целый эшелон с эскадронам сотрудников недавно созданной ОГПУ, который развернул настоящую войну с бандитскими отрядами [2, с. 194]. Однако таким способом тогда невозможно было кардинально решить проблему бандитизма в Восточной Сибири, поскольку значительная часть бандитов имела тесные связи с местным населением.

Сибирское крестьянство, которое всегда жило более зажиточно и свободно, чем сельское население в европейской части России, имело в 1920-е годы достаточно причин (прежде всего, это была политика продразвёрстки в 1918–1921 гг. и связанные с нею репрессии) для того, чтобы не испытывать глубокого доверия к новой власти и даже участвовать в вооруженной борьбе против неё. Эти люди, прежде массово занимавшиеся охотой, хорошо знали тайгу и имели там свои базы, были неплохо вооружены и пользовались гораздо большей поддержкой местного сельского населения, чем приезжавшие из города милиционеры. В таких условиях милиция, конечно, не могла быстро обнаруживать и обезвреживать банды, а потому они активно действовали в сибирской тайге до начала 1930-х годов. Это, в свою очередь, негативно сказывалось и на процессе борьбы с преступностью в городах, поскольку сотрудников городской милиции активно привлекали к ликвидации таёжных банд.

Естественно, в таких сложных условиях тяжело было наладить процесс профессиональной подготовки кадров молодой советской милиции. У сотрудников просто не оставалось времени и сил для учёбы. Но проблема профессиональной некомпетентности милиционеров также усугублялась их недостаточной численностью. Так, в Иркутске с населением в 108 000 человек было всего 153 милиционера [3].

Между тем уровень преступности был очень высоким. Так, согласно «Сведениям о происшествиях по городу Иркутску» за январь 1925 года было зафиксировано грабежей – 4, нападений, в том числе и с целью грабежа, – 7, краж – 84, побоев – 1, ранений – 2, убийств – 5, более сотни выявленных фактов самогоноварения и торговли самогоном. В этом месяце было убито два милиционера, один был ранен [4. Л. 1-242]. В другие месяцы картина преступности немного отличалась от начала года.

Раскрываемость преступлений находилась на уровне менее 50 % и в основном достигалась за счёт раскрываемых фактов самогоноварения. Всё это остро ставило вопрос как о необходимости увеличения численности милиционеров, так и о повышении

уровня их профессионализма. Кроме всего прочего, отмечалась низкая дисциплина милиционеров. Все эти проблемы в совокупности не только осложняли борьбу с преступностью, но и принижали авторитет милиции среди населения. Это отмечалось и в «Приказе № 51 по милиции Сибири», который положил начало формированию профессиональной сибирской милиции. Документ датируется 16 сентября 1921 г., подписан в г. Новониколаевске (ныне Новосибирск). Кроме того, в приказе отмечалось, что «Распущенность сибирской милиции, даже проявления бандитизма говорят о недисциплинированности, неизжитой наклонности к партизанщине, что недопустимо в систематическом мирном строительстве, к которому приступает Советская Власть...» [5. Л. 226–227]. Эта ситуация возникла ещё и потому, что милиция как правоохранительный орган формировалась часто по остаточному принципу. Борьба с преступностью велась в первую очередь ВЧК, а с бандитизмом в сельской местности заградотрядами – подразделениями ОГПУ.

Как видим, проблема подготовки профессиональных кадров для сибирской милиции была исключительно актуальной. Существовали все предпосылки для организации системы профессиональной подготовки сотрудников милиции. Процесс создания системы кадровой подготовки для советской милиции продолжался на протяжении 1920-х годов. Однако главной задачей, которая стояла перед создателями эффективной и регулярно действующей системы профессионального обучения милиционеров, на первых порах являлась ликвидация неграмотности и обучение сотрудников милиции элементарным профессиональным навыкам. Именно такое положение дел отражал Приказ № 69 Главного управления милиции НКВД РСФСР от 17.04.1921, в соответствии с которым предполагалось создать милицейские школы на областном и губернском уровнях.

В результате к 1922 году начала складываться система подготовки кадров для милиции, которая распространилась на все регионы страны. В существовавших тогда условиях наиболее правильным представлялось создать для милиционеров систему подготовки из нескольких ступеней, каждая из которых будет иметь свою специализацию.

Первой ступенью служили так называемые школы резерва, представлявшие собой курсы первоначальной подготовки продолжительностью полтора – два месяца. Они были предназначены для вновь набранных сотрудников и открывались по мере необходимости при губернских управлениях милиции. Конечно, полученная в них подготовка была более чем поверхностной, но в тех условиях для молодых рядовых сотрудников и это считалось достаточным.

Второй ступенью были губернские милицейские школы, обучение в которых длилось восемь месяцев и было нацелено на подготовку младшего командного состава милиции. Они могли быть как постоянно действующими, так и эпизодически открываемыми на местах по мере надобности и возможностям.

Третья ступень (школы среднего командного состава милиции) предназначалась для обучения начальников милиции городского и губернского уровня. Она давала неплохую подготовку, поскольку обучение было достаточно длительным (в течение двух лет). Но серьёзной проблемой было малое количество этих школ – они существовали далеко не в каждой губернии и фактически должны были обеспечивать кадрами большие регионы. Поэтому, например, средний командный состав для сибирской милиции, в том числе и для Иркутской губернии, проходил подготовку в Омской школе среднего командного состава милиции.

В процессе формирования этой системы профессионального образования для сотрудников советской милиции в Иркутске появились школы первой и второй ступени. Но это происходило несколько позже, чем в европейской части России, т. к. затянувшаяся гражданская война наложила свой отпечаток. Поэтому первые шаги в этом направлении были сделаны только в 1923 году, когда в Иркутске были открыты школа

резерва для первоначальной подготовки милиционеров и губернская школа подготовки младшего командного состава милиции. Но она действовала на непостоянной основе, как и школа резерва. И только в 1925 году здесь создаётся школа подготовки младшего командного состава, которая, как планировалось, должна была действовать постоянно, готовя кадры для милиции всей губернии.

Школа резерва, открывшаяся в Иркутске в 1923 году, функционировала нерегулярно, как и все подобные школы. Только по мере набора достаточного количества слушателей в ней проводились занятия. Поэтому из числа сотрудников в такой школе на постоянной основе работали, как правило, только два человека – военком и начальник школы. А на период обучения очередной группы милиционеров временно набирали необходимых преподавателей и сотрудников из других учебных заведений. Первый выпуск в этой школе был осуществлён через три месяца после её открытия – в декабре 1923 года. Тогда выпустились 44 курсанта. Это было много для того времени даже по масштабам губернии.

Нужно отметить, что по причине невысокого уровня образования и общей культуры, в том числе политической, в школе с курсантами проводились не только учебные занятия по специальности, но и велась воспитательная и политическая работа. Это было важно, так как милиция представляла государственную власть, а общий политический и культурный уровень милиционеров, как отмечал приказ № 51, был крайне невысоким.

Поэтому в школе силами администрации и самих учащихся были организованы различные кружки для повышения общего уровня развития курсантов (образовательный, культурный), улучшения их профессиональной подготовки (милицейский и военный) и углубления идеологической сознательности (марксистский).

Безусловно, деятельность этой школы была крайне необходима для иркутской милиции, и следовало бы ожидать, что местная власть поддержит её существование. Но по неизвестным причинам второй выпуск курсантов, которые обучались в январе – апреле 1924 года, составил только 4 человека. К сожалению, в архивных документах не удалось найти никаких сведений о том, что эта школа резерва позднее работала в Иркутске [6, с. 57–58]. Возможно, первая неудача стала причиной отказа от попыток повторить такой опыт.

Достаточно важную роль в процессе создания системы профессионального образования для сибирских милиционеров сыграла Иркутская губернская школа младшего состава милиции, появившаяся в марте 1925 года. Инициатором её возникновения был Д. В. Шлёнов, назначенный начальником губернской милиции и губернского административного отдела. Заняв эту должность, он сразу обратил внимание не только на количество, но и на качество личного состава иркутской милиции. Его живо интересовали проблемы и недостатки, препятствующие налаживанию нормальной работы милиции. На это указывают многие документы. Одним из них является «Акт о состоянии Иркутского ГАО на 15 января» [7].

Приехав в Иркутск 15 января 1925 года, Д. В. Шлёнов сразу же проверил состояние вверенного ему отдела и оценил уровень профессиональной подготовки местных милиционеров. Обнаружив ряд недостатков, отражённых в упомянутом выше акте, он высказал в данном документе и свои соображения по поводу способов максимально быстрой ликвидации существующих проблем.

Важное место среди предлагаемых им мер по улучшению состояния иркутской милиции занимало предложение создать на постоянно действующей основе губернскую школу младшего командного состава. В данном случае инициатива Д. В. Шлёнова была отражением политики центральной власти, поскольку он опирался на упомянутое выше решение советского правительства о создании подобных школ, принятое в 1921 году.

Помещение для работы школы выделили в здании губернского административного отдела, при котором она действовала. Приказом № 96 от 28 марта 1925 года было объявлено о создании иркутской Губернской школы младшего командного состава милиции. Административно она подчинялась начальнику подотдела губернского административного отдела Урбановичу (к сожалению, нам не удалось обнаружить в документах более подробных сведений о нём).

Официально школа приступила к работе 15 апреля 1925 года после набора 25 курсантов. В школе предусматривались две постоянные штатные должности – инструктор пешего строя и политрук, остальных преподавателей на время обучения курсантов приглашали из других учебных заведений Иркутска, в первую очередь из Иркутского государственного университета. Программа обучения была рассчитана на восемь месяцев. Однако занятия проводились в школе нерегулярно.

Поскольку, как мы уже отмечали выше, милиционеров не хватало, то курсантов часто задействовали в самых различных мероприятиях по охране общественного порядка, в том числе командировали в разные уезды губернии для борьбы с бандитизмом. Молодые неопытные сотрудники милиции должны были противостоять опытным бандитам, надолго отрываясь от учебного процесса. В качестве примера подобного мероприятия можно упомянуть ликвидацию большой и чрезвычайно опасной банды Замащикова в Зиминском уезде Иркутской губернии. В этой операции активно участвовали курсанты школы, которых направили туда в июле 1925 года. Конечно, руководство понимало, что такая практика отвлечения курсантов от занятий негативно отражается на работе школы. Но нужды конкретного момента заставляли их пренебрегать более отдалёнными целями повышения уровня профессионализма милиционеров.

К сожалению, документы из фондов государственного архива Иркутской области не дают возможности полноценно осветить основные аспекты деятельности губернской школы младшего комсостава. Это удаётся сделать, скорее, фрагментарно. Например, можно проследить по сохранившимся документам, что в этот период в школе поменялись как инструктор пешего строя, так и политрук. Были по разным причинам отчислены несколько курсантов. Но сколько курсантов окончили школу и окончили ли вообще – эту информацию из имеющихся документов получить не удалось. То же самое касается и свидетельств о дальнейшем продолжении деятельности губернской школы младшего комсостава. Возможно, что она прекратила своё существование.

Такая ситуация с губернскими школами младшего комсостава милиции наблюдалась повсеместно. Текучка кадров преподавателей и смена командиров, отрыв курсантов на выполнение не связанных с профессиональным обучением обязанностей были общей проблемой, характерной для всей страны. Поэтому такая форма подготовки кадров, несмотря на то что идея была хорошей, себя не оправдала. Как отмечает исследователь М. А. Кожевина, среди милиции того времени доля окончивших школы младшего комсостава милиции была исчезающе малой. Школьная система подготовки милицейских кадров в то время оказалась неэффективной [8, с. 32].

Сложившаяся ситуация заставляла искать иные формы профессиональной подготовки милиционеров. Самым логичным и лежащим на поверхности решением, чтобы не отрывать милиционеров от несения службы при их недостаточности, было профессиональное обучение не в специальных школах, а на местах во внеслужебное время. Поскольку данная форма обучения не отрывала людей от работы надолго, ей в ряде случаев отдавали предпочтение.

Однако это не означало, что идея создания правильно устроенной регулярной системы профессионального обучения милицейских кадров была отодвинута на задний план. Шаги в этом направлении делались даже в очень сложных условиях. Важной задачей являлось создание учебных программ и планов, на основе которых можно было

попытаться организовать учебный процесс в соответствии с местными потребностями и возможностями.

В качестве примера можно упомянуть разработанный в начале 1924 года сотрудниками главного административного отдела единый учебный план занятий, предназначенный для подготовки резерва уездной милиции. Планировалось объём в 108 учебных часов разделить между лекциями и урочными занятиями по теоретическим дисциплинам. Сокращённым вариантом была программа на 77 часов для использования при подготовке личного состава пешего и конного милицейского резерва.

Базовой основой курса в обоих случаях была правовая подготовка, которая дополнялась изучением вопросов службы в милиции и строевая подготовка. Главным (и, наверное, неизбежным тогда) минусом была идея о том, что посещать такие занятия сотрудники милиции должны были в свободное от службы время. Это, конечно, показывает стремление руководства в максимально короткие сроки обучить как можно больше сотрудников милиции и притом не нарушить работу местных подразделений. Но одновременно это свидетельствует о том, что милицейское начальство не вполне соотносило свои планы с реальной ситуацией в обществе.

Реализация планов и устремлений милицейского начальства наталкивались на объективно существующие серьёзные препятствия. Во-первых, такая подготовка являлась существенной дополнительной нагрузкой для милиционеров, особенно в уездах, где люди вели своё хозяйство, держали скот, обеспечивали себя дровами и т. п. Это не могло не вызывать их недовольства. Во-вторых, если в Иркутске занятия могли проводить работники главного административного отдела или приглашённые преподаватели гражданских учебных заведений, то в уездах их проводить было некому. Был и ряд других проблем, мешавших реализации поставленных задач в деле подготовки милицейских кадров.

Поэтому вполне объяснимо то, что даже в самом губернском центре к концу 1924 года намеченный план занятий с сотрудниками милиции был реализован лишь на 42 %. В уездах дела явно обстояли ещё хуже, поскольку оттуда вообще не поступили сведения о выполнении учебных планов. Это свидетельствовало о фактическом провале намеченных планов и программ по ускоренной подготовке милицейских кадров.

Именно так сложившаяся ситуация была охарактеризована в акте о состоянии Иркутского ГАО за 1924 год. Следует особо отметить, что в этом документе среди важнейших проблем, мешающих реализации поставленных задач, указано отсутствие (в уездах) или существенный недостаток (в Иркутске) учебников и учебной литературы, без которых невозможно проводить занятия. Во всех уездах Иркутской губернии юридическая и специальная литература вообще отсутствовала, а в Иркутском уезде она была значительно устаревшей и непригодной для обучения резервистов [9].

Однако неудачи и проблемы не могли полностью остановить процесс формирования системы профессиональной подготовки милицейских кадров. В последующие годы программы, подобные вышеупомянутым, продолжали разрабатывать. Например, в 1926 году ГАО направил в подразделения милиции «Циркуляр АО по организации занятий с милиционерами № 12245», который содержал 120-часовую программу обучения милиционеров. В соответствии с ней предполагалось изучение Конституции СССР, милицейского дела, дисциплинарного устава, военного дела, в которое планировалось включить даже изучение джиу-джитсу. В 1927 году программа была дополнена, и её объём достиг 150 часов [10].

В архиве документов по итогам обучения по данной программе нами не обнаружено, однако можно с уверенностью сказать, что, скорее всего, эти планы остались на бумаге, так как ситуация не изменилась. Следовательно, и проблемы, которые существовали двумя годами ранее, остались нерешёнными. Поэтому данная форма профессиональной подготовки милиционеров также не принесла ожидаемых результатов. Тем

не менее проблема профессионального обучения милиционеров, и в первую очередь первоначального обучения, сохранялась и была чрезвычайно актуальна.

Одновременно с неудачными попытками создать постоянно действующую нормальную систему профессионального обучения милиционеров практиковалась и подготовка кадров «на ходу» за счёт приобретения ими необходимых навыков и знаний в процессе работы. Это осуществлялось непосредственно во время несения службы и через проведение инструктажа молодых милиционеров перед заступлением на дежурство. Основой для такой формы обучения был приказ № 124-а, подписанный Д. В. Шлёновым в феврале 1925 года.

В соответствии с этим приказом начальство ежедневно проверяло милиционеров на знание основных нормативных документов и алгоритма действий в различных ситуациях. Это делалось на разводе перед началом заступления на дежурство. Следует отметить, что этот приказ требовал не просто проверять теоретические знания милиционеров путём опроса. Нужно было делать это в форме постановки конкретных практических задач, при решении которых милиционерам следовало не просто рассказать о своих действиях в предлагаемой ситуации, но и показать это проверяющему их начальнику. Однако этим дело не заканчивалось: начальник должен был не меньше двух раз за период дежурства проконтролировать работу своих подчинённых и при этом вновь задать им какие-то вопросы, дать задания и потом доложить о результатах начальнику подотдела ГАО. Такой доклад делался каждое утро. Несомненно, подобная форма практического обучения в существующих обстоятельствах была очень полезна и играла важную роль в системе первоначальной профессиональной подготовки милиционеров.

Кроме того, для развития системы первоначальной профессиональной подготовки на базе первого отделения иркутской городской милиции было создано так называемое «показное» (образцовое) отделение. От остальных отделений оно отличалось тем, что в нём велась усиленная работа по инструктированию личного состава и проводился более жёсткий контроль при проверке знаний сотрудников. Предполагалось, что на примере работы сотрудников такого образцового отделения можно будет наглядно обучать молодых милиционеров несению постовой службы, работе с документами и производству дознания [11].

Таким образом, можно определённо утверждать, что Восточная Сибирь в 1920-е годы испытывала характерную для всей Сибири и Дальнего Востока проблему недостатка квалифицированных кадров для борьбы с преступностью. Попытка создать стройную систему профессионального милицейского образования оказалась неудачной. Свою роль в этом сыграли разные факторы.

Во-первых, классовый подход в кадровой работе. Этим подходом от правоохранительной деятельности отсекались целые слои населения и в первую очередь бывшие, опытные сотрудники, боровшиеся с преступностью в царское время. Не могли поступить на службу в милицию и многие грамотные люди с достойным образованием, так как часто являлись классово чуждыми элементами, либо «запятнали» себя работой в учреждениях эпохи самодержавия, а молодые сотрудники из рабочих и крестьян, пришедшие в милицию, часто были малограмотны или безграмотны вообще. И кроме профессиональной подготовки стояла задача ликвидации безграмотности, что значительно усложняло ситуацию.

Во-вторых, сказывалось и то, что в досоветской России как таковая отсутствовала стройная система профессиональной подготовки сотрудников полиции. После реформ 1860-х годов предпринимались попытки создания такой системы. Так, ещё в 1866 году начали создаваться «полицейские резервы», в которых проходили обучение новые городские, только что поступившие на службу. Но такая практика не была повсеместной. Другим вариантом была образованная в 1881 году в Москве школа при полицейском

резерве. Полицейские проходили в ней подготовку по утверждённой программе, затем сдавали экзамен. Однако в целом профессиональное образование полицейских было отдано на откуп губернаторам.

Единая система подготовки кадров для полиции отсутствовала. И поскольку новый XX век выдвигал новые требования, МВД России начало предпринимать меры по унификации полицейского образования. Рассматривалась возможность создания трёхступенчатой системы профессиональной подготовки полицейских, в том числе создание трёхгодичных училищ и институтов. Однако первая мировая война и революция превали этот процесс [12].

В первое послереволюционное десятилетие новая власть просто пыталась копировать некоторые элементы профессиональной подготовки полицейских, которые существовали в эпоху самодержавия. Но в силу того, что эта система была далеко не совершенна, так и не была создана стройная поэтапная система профессиональной подготовки правоохранителей, все её недостатки перешли в новую эпоху.

В-третьих, негативную роль сыграла сама ситуация, сложившаяся в результате революции и Гражданской войны и породившая волну преступности и бандитизма. Милиционеры просто не хватало для борьбы с ними. Поэтому от обучения постоянно отрывались не только те, кто проходил подготовку в школах резерва, но и курсанты школ младшего командного состава милиции. Не хватало материальной базы и учебной литературы. Ситуация осложнялась и отношением местных властей к милиции. В уже упоминавшемся документе «Приказе № 51 по Сибирской милиции» отмечалось, что местные власти часто изымали из милиции и направляли на выполнение иных, не связанных с правоохранительной деятельностью задач наиболее толковых сотрудников. А сотрудники ВЧК с презрением относились к милиции и отказывались сотрудничать с ней.

Можно выделить следующие основные формы профессиональной подготовки кадров для милиции в Восточной Сибири в тот период:

- 1) эпизодически работающие школы милицейского резерва, деятельность которых зависела от конкретных местных возможностей и потребностей;
- 2) постоянно действующие школы младшего командного состава милиции, которые из-за возникших проблем так и не стали базой профессионального обучения сотрудников;
- 3) различные формы подготовки рядовых сотрудников и командного состава милиции во внеслужебное время;
- 4) обучение «на ходу», т. е. усвоение основ профессии милиционерами непосредственно в процессе работы на инструктажах, практических показах и на примере образцовых «показательных» подразделений.

При подведении итогов сказанного следует отметить, что в 1920-е годы в Восточной Сибири удалось заложить основы системы профессиональной подготовки кадров для советской милиции. Однако полноценное формирование этой системы по ряду причин в тот период не произошло. Это осталось задачей на будущее.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Список источников

1. Карнович С. А., Кузнецов А. А., Синиченко В. В. Становление милицейского образования в Восточной Сибири в 20-х годах XX века // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. Вып. № 1 (72). С. 65–76.
2. Санников А. П. Бандитизм в Иркутской губернии в 1920-е годы // Силовые струк-

- туры России: сборник научных статей. Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2007. С. 191–195.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Ф. Р-145. Оп. 1. Ед. хр. 844.
  4. ГАИО. Ф. Р-145. Оп.1. Ед. хр. 842.
  5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Дело № 537. Приказ № 51 по милиции Сибири.
  6. Синиченко В. В., Карнович С. А., Кузнецов А. А. Система профессионального образования советской милиции в Восточной Сибири в 20-гг. XX в. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. Вып. № 3 (78). С. 53–62.
  7. ГАИО. Ф. Р-145, Оп. 1. Ед.хр. 844, Л. 107, 126 об. Акт о состоянии Иркутского ГАО.
  8. Кожевина М. А. Милицейское образование в советской России: организация и правовое регулирование (1918-1991 гг.): автореф. дис. д-р юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. 55 с.
  9. ГАИО. Ф. Р-145. Оп. 1. Ед. хр. 844. Л. 107. 126 об. Акт о состоянии Иркутского ГАО.
  10. ГАИО. Ф. Р-727. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 18. 22-25. Циркуляр АО по организации занятий с милиционерами № 12245.
  11. ГАИО. Ф. Р-169. Оп 1. Дело № 537. Приказ № 125 по ГАО.
  12. Терехов А. Ю., Небратенко Г. Г. Подготовка полицейских кадров в Российской империи // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 66–72.

References

1. Karnovioch S.A., Kuznetsov A.A., Sinichenko V.V. Stanovlenie militseiskogo obrazovaniya v Vostochnoi Sibiri v 20-kh godakh XX veka [The establishment of police education in Eastern Siberia in the 1920s] //Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Iss. 2015. No. 1 (72). pp. 65-76. (In Russian).
2. Sannikov A.P. Banditizm v Irkutskoi gubernii v 1920-e gody [Banditry in the Irkutsk province in the 1920s] // Silovye struktury Rossii: sbornik nauchnykh statei [Uniformed Services of Russia: collected papers]. Irkutsk: Eastern Siberia Institute of Ministry of Internal Affairs of RF. 2007. p. 191-195. (In Russian).
3. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region], F. R-145, List of file 1. Archival unit 844. (In Russian).
4. GAIO [State Archive of the Irkutsk Region], F. R-145, List of file.1. Archival unit 842. (In Russian).
5. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Irkutskoi oblasti [State Archive of Recent History of the Irkutsk Region] F.1. List of file.1. Case No.537. Order No. 51 On the police of Siberia. (in Russian).
6. Sinichenko V.V., Karnovich S.A., Kuznetsov A.A. Sistema professional'nogo obrazovaniya sovetskoj militsii v Vostochnoi Sibiri v 20-gg. XX v. [The system of professional education of the Soviet police in Eastern Siberia in the 1920s.] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Iss. 2016. No. 3 (78). pp 53-62. (In Russian).
7. GAIO [State Archive of the Irkutsk Region]. F. R-145, List of file 1. Archival unit 844, L. 107, 126 об. Акт о состоянии Иркутского ГАО [Act on the status SAIR]. (In Russian).
8. Kozhevina M.A. Militseiskoe obrazovanie v sovetskoj Rossii: organizatsiya i pravovoe regulirovanie (1918-1991 gg.) avtoref. dis. d-r yurid. nauk: 12.00.01. [Police education in Soviet Russia: organization and legal regulation (1918-1991) Dr. jur. sci. diss]: M., 2005. 55 p. (In Russian).

9. ГАИО [State Archive of the Irkutsk Region]. F. R-145, List of file 1. Archival unit 844, L. 107, 126 об. Akt o sostoyanii Irkutskogo GAO [Act on the status of Irkutsk State Archive]. (In Russian).

10. ГАИО [State Archive of the Irkutsk Region]. F. R-727, List of file1, Archival unit 43, L. 18, 22-25. Tsirkulyar AO po organizatsii zanyatii s militsionerami [Guidance note on organizing trainings with police officers], no.12245. (In Russian)

11. ГАИО [State Archive of the Irkutsk Region]. F. R-169, List of file 1. Case No, 537. Order No.125 on SAIR. (In Russian).

12. Terekhov A.YU., Nebratenko G.G. Podgotovka politseiskikh kadrov v Rossiiskoi imperii [Police training in the Russian Empire] // Yuridicheskaya nauka i praktika [Legal science and practice]. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], No 2 (42). 2018// pp.66 – 72. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 19.10.2021, одобрена после рецензирования 15.11.2021, принята к публикации 01.12.2021.

Алексей Александрович Кузнецов

*кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
философии и социально-гуманитарных
дисциплин*

*Восточно-Сибирский институт МВД
России*

*664046, Россия, г. Иркутск, ул. Лермон-
това, 110*

тел.: +7 (3952) 410989

Alexey A. Kuznetsov

*Candidate of Sciences (History), As-
sociate Professor, Deputy Head of the
Department of Philosophy and Social and
Human Sciences*

*East Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia*

*110 Lermontov St, Irkutsk, Russia,
664046*

Tel.: +7 (3952) 410989